



Коля и Броля

дружба со*

Коля и Броля.

Сташкевич Александра

Коля и Броля. Дружба со*

«Автор»

2026

Александра С.

Коля и Броля. Дружба со* / С. Александра — «Автор»,
2026 — (Коля и Броля.)

«Лето в деревне пахнет клубникой, земляными червяками и настоящими приключениями. Для Коли каникулы у бабушки Ба — это время, когда можно целый день бегать босиком, не боясь опоздать на уроки. А ещё здесь можно встретить того, с кем даже самый обычный день превращается в историю. Идеальное чтение перед сном для детей от 3 до 10 лет и их родителей, которые помнят, как пахнет настоящее лето»

© Александра С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Книга первая | 5 |
| История первая. Знакомство. | 6 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 11 |

Коля и Броля. Дружба со*

Книга первая

Название: Коля и Броля. Дружба со*

Автор(-ы): Сташкевич Александра

История первая. Знакомство.

— Привет-привет.

Меня зовут Ба. Мой внук придумал это имя, когда был совсем маленький, потому что не выговаривал «бабушка», вот и получалось только «Ба», с тех пор так и пошло.

Истории, которые я хочу тебе рассказать, я не выдумывала. Я просто сидела на крылечке своего дома — чаще всего с чашечкой ароматного чая, — а Коля, так зовут моего внука, бегал мимо и делал обычные вещи, которые делают обычные мальчики его лет.

Коля всегда приезжал ко мне в деревню на летние каникулы, ведь лето в деревне - это запах земляных червяков в перемешку с ароматом только что сорванной клубники. Это когда утро начинается не с будильника, а с петуха, который живёт по своим часам и никого о времени не спрашивает. Это когда в ведре с водой плавают облака и их можно легко запутывать пальцем. Это когда старый сарай скрипит тайной, а крыльцо за день нагревается так, что на нём можно жарить блины. И ещё — это время, когда происходят самые главные истории. Как те, что случались с Колей и одним очень маленьким жёлтым цыплёнком. Одну из них я сейчас и расскажу.

Рассказ первый. Немного желтый, немного шумный и очень теплый.

В одном небольшом сарае, где пахло сухой травой и старыми вёдрами, жили куры, цыплята и любопытные мухи. И был там один цыпленок такой маленький, что если его клали на ладонь, то он помещался на ней целиком. А если не клали — он бегал туда-сюда и пищал так тоненько, что мухи от удивления замирали.

Звали этого цыпленка никак. Просто — «эй, жёлтый».

Во двор этот цыплёнок выходил только со своей мамой — курицей наседкой, которая всё время что-то бормотала себе под клюв («кво-кво-кво, не отставай, кво-кво, я сказала»), и с пятью братьями и сёстрами. Они были такие же жёлтые, такие же круглые и пищали почти одинаково, так что даже мама могла их иногда перепутать.

Сам двор был старый, но не скучный. Посередине была большая лужа, которая то появлялась после дождя, то исчезала, как будто её кто-то воровал. Вокруг лужи — серая потрескавшаяся земля с отпечатками Колиных сапог, кошачьих лап, куриных лапок и наверное того, кто и воровал лужу. У забора рос куст смородины такой густой, что внутри него была целая пещера, и по слухам там жила старая лягушка, которая ужасно тарасила свои глаза. Немного в стороне от куста стояло ржавое ведро без дна — через него можно было смотреть на небо, как в подзорную трубу. И ещё — деревянная калитка, которая открывалась сама собой, если дул ветер, и тогда все куры начинали кудахтать, словно кричали: «Держи! Держи!» хотя никто никогда в нее не выбегал.



Для маленьких жёлтых цыплят двор был целым миром полным приключений. Например, можно было найти прошлогоднее перо вороны — оно было больше тебя самого, и если его поднять, казалось, что ты превратился в сильного и сурового орла. Или попробовать клюнуть железную божью коровку на лейке, которая при этом говорила «Ба-бах», ведь она была не настоящая, а нарисованная. А ещё — залезть в старый башмак, который кто-то бросил у сарая, и сидеть там, до вечера, пока все куры не начинали тебя искать.

Но были во дворе и опасности. Главная опасность — большая тень от крыльца. Она двигалась за солнцем и могла накрыть цыплёнка раньше, чем он успевал заметить. Другая опасность — тяпка, которая стояла прислонённая к стене. Если ветер дул сильно, тяпка падала с грохотом, похожим на конец света. И третья — это, конечно, кот Брутус, но он появлялся не каждый день, а только тогда когда ему было очень скучно.

Так проходил день за днём в жизни цыплят. Утром — червячки. После завтрака — беготня за бабочкой, которая всегда улетала прямо в тот момент, когда до неё оставался один шаг. Днём — сон под крылом у мамы, где было так тепло и уютно, что казалось и лужа подождёт, и тяпка никуда не упадёт, и Брутус сейчас спит где-нибудь в другом конце двора. А вечером — долгое квохчливое пересчитывание: все ли на месте, никто ли не застрял в ведре, не заснул ли кто в башмаке? И только когда солнце садилось за крышу курятника, наседка выдыхала и говорила: «Кво...».

А на другом краю двора стоял дом.

Дом был не новенький, не блестящий, а самый что ни на есть уютный — из тёплого дерева, которое за много лет научилось не скрипеть на морозе, а только тихонечко вздыхать.

Крыльцо у дома было широким и обшарпанным. Одна ступенька держалась на старом гвозде, который торчал сбоку и цеплялся за штаны всем, кто спешил.

Дверь в дом скрипела так, что её было слышно за три сарая. А Внутри пахло пирогами, сушёной мятой, старыми газетами и чем-то ещё, что нельзя потрогать, но можно почувствовать — временем. Полы были неровные, дощатые, со щелями, в которые вечно что-то проваливалось.

И в этом доме, на другом краю двора, жил Коля.

На вид Коле было столько лет, сколько и полагается мальчику, который приезжает на лето в деревню: уже не малыш, но ещё и не взрослый. Роста он был невысокого, но очень быстрого — когда Коля бежал, его трудно было даже разглядеть.

На носу у Коли сидели ровно семнадцать веснушек. Восемнадцатая же подпрыгивала, когда он смеялся. Коля их не стеснялся, наоборот, гордился — ведь ни у кого из деревенских мальчишек не было столько веснушек сразу.

Волосы у него были цвета сухой соломы — такие, в которых всегда застревают травинки и путался ветер. Чёлка вечно лезла в глаза, и Коля сдувал её наверх, отчего его лицо становилось сосредоточенным и немножко смешным. Уши у него были немного оттопыренные, а глаза серые, с крошечными зелёными крапинками. Когда он удивлялся, глаза становились круглыми, а уши слегка приподнимались — будто хотели лучше слышать, что же такое случилось.

Одет Коля был всегда примерно одинаково: старые джинсы с пузырями на коленях. На правой штанине была заплатка в виде сердечка — её пришили, потому что Коля протёр дыру, когда учился кататься с крыльца на картонке. На левой штанине дырка тоже была, но её решили не зашивать — на память о приключении, да и как говорил сам Коля: так загадочней. Футболки Коля носил такие, что по ним уже и не разберёшь: то ли зелёные, то ли серые, то ли когда-то были с рисунком, но стирались так часто, что рисунок превратился в привидение.

Но самое главное — это карманы. Они были везде: спереди, сзади, на груди. Из одного кармана всегда торчала веревочка или проволочка. Из другого — выглядывал хлебный мякиш, который уже потерял форму. Третий внимательно оберегался, потому что там всегда лежало что-то самое ценное, например сушёный жук или стеклянный шарик.

Коля почти всегда улыбался. Не широко, не для всех — а про себя, как будто знал какую-то маленькую приятную тайну. И эта тайна, наверное, была в том, что лето большое, а он — маленький, но у него есть целый двор и три месяца впереди для приключений.

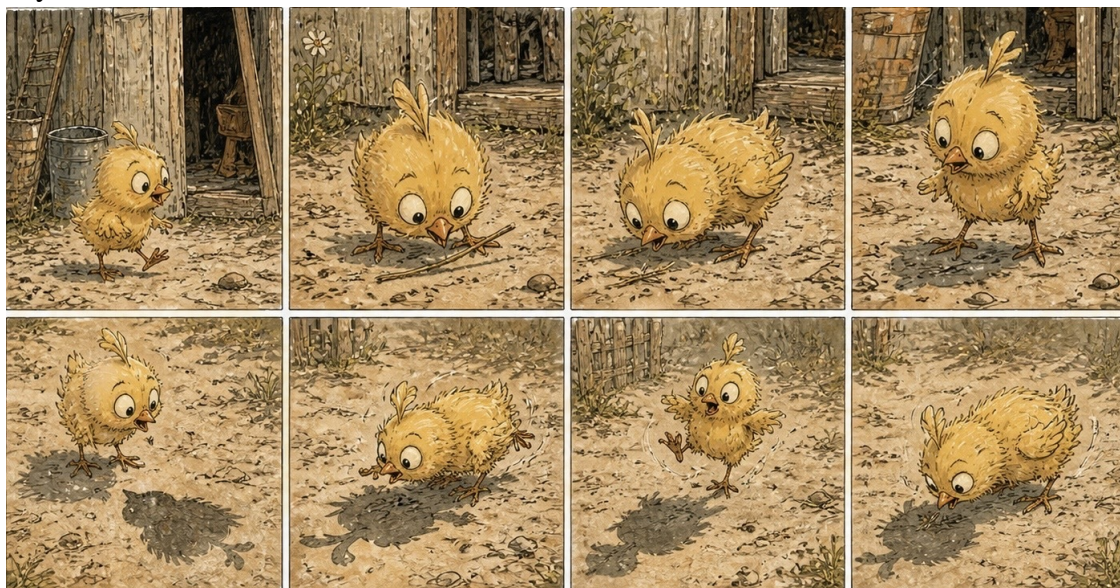
И ещё в тех же краях жил кот Брутус.

Брутус был рыжий, как старый кирпич, и такой толстый, что когда он шёл по двору, сначала из-за угла появлялись его усы, а потом, секунды через три, — всё остальное. Мышей он не ловил. Мыши, считал Брутус, слишком быстро бегают. Не барское это дело — быстро бегать. А вот цыплят он любил. Нет, он их не ел, он просто с ними играл, но игры у него были кошачьи, и курам они, ни капельки не нравились.

Мы, — говорили куры, — больше в раскопки любим играть, а тут бегай, прячься, пищи. Не по душе нам это.



Однажды Коля сидел на крыльце и чинил свистульку. Свистулька была глиняным петухом, но свистела она как больная ворона, которую случайно прищемили дверью: «фю-у-у-у-пшшшш». Коля дул в неё уже полчаса и, конечно, у него закружилась голова. Он пошёл к колодцу за водой.



В это время цыплёнок (тот, без имени) решил, что пора исследовать мир самостоятельно, без мамы-наседки. Он прошёл три шага от сарая, нашёл сухую травинку, удивился, поклевал её, понял, что это не червяк, и тут же потерял к ней всякий интерес. Потом он увидел свою

тень. И очень долго пытался склевать собственный клюв, отбегал и возвращался. Это было захватывающее путешествие.

— Пи-у! — сказал цыплёнок неизвестно кому.

И тут из-за куста смородины бесшумно выплыл Брутус.



—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.